ТРИДЦАТЬ ЛЕТ ПОСЛЕ ОТКРЫТИЯ АРХИВОВ: КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ «ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ “ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ”»

Н.А. Цветкова

Через 30 лет после открытия архивов можно подвести итоги того, как новые документы, введенные в научный оборот, поменяли наши представления об «идеологической “холодной войне”». В статье представлен взгляд современной науки на противостояние СССР и США в сфере идеологии и культуры, а также историография данного научного направления. Автор предлагает новую периодизацию и критический анализ истории «идеологической “холодной войны”» с учетом новых фактов, а также выявляет «белые пятна» и новые теоретические и методологические подходы в историографии.

Ключевые слова: «идеологическая “холодная война”», США, СССР, публичная дипломатия

After 30 years archival declassification that took place following the collapse of the Soviet Union, the history and the historiography of the Cultural Cold War Studies are viewed in terms of critical analysis. This article revisits the story of the Cultural Cold War updating its stages, discourses, new facts, and primary documents. The critical review discusses new research, blind spots, and conceptual approaches in the current historiography.

Key words: Cultural Cold War Studies, United States, USSR, public diplomacy

DOI: 10.32608/1010-5557-2021-2021-314-336

Открытие архивов в России и в странах Восточной Европы и расширение доступа отечественных исследователей к архивным документам в США оказали влияние на развитие как исторических, так и многочисленных ангажированных исследований в области политических, экономических и культурных аспектов «холодной войны», что

Цветкова Наталья Александровна — Ph.D. (Groningen University, Netherlands), доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой американских исследований. ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет».

неоднократно обсуждалось на страницах сборников, монографий и статей¹. Многие библиотеки сформировали архивные фонды по истории «холодной войны», что способствовало привлечению внимания к теме со стороны широкого круга ученых, представляющих самые разные дисциплины. Это привело к появлению массы публикаций как научного, так и публицистического толка². Сложилось целое поколение исследователей, которые использовали новые документы для изучения периода «холодной войны» с точки зрения антропологии, культурологии, музыкального искусства, литературоведения и пр.

В итоге в университетах, и особенно в Германии, Финляндии, Нидерландах и России, сформировались новые научные школы в области изучения «идеологической “холодной войны”» (Cultural Cold War Studies), которые базировались в основном на исторических факультетах³. В США данное направление привлекало ученых, занимающихся вопросами публичной дипломатии США в ее историческом и современном измерении. Интерпретация новых архивных документов стала основой для появления публикаций в таких журналах, как «Diplomatic History», «Diplomacy & Statecraft», «Cold War History», «Journal of Cold War Studies», «The Annals of the American Academy of Political and Social Science» и т.п., а также на страницах сборников профессиональных сообществ, таких как «Американский ежегодник» ЦСАИ ИВИ РАН, «Американа» ВолГУ, «Американистика» ЦИ США КГУ, «Материалы российско-американского семинара» СПбГУ, «Cold War International History Project Bulletin» и др., а многие издательства запустили особые

¹ Вопросы, связанные с презентизмом и историзмом в научных исследованиях, обсуждали Согрин В.В., Печатнов В.О., Егорова Н.И., Филитов А.М., Быстрова И.В., Позняков В.В., Исэров А.А., Миньяр-Белоручев К.В. См., напр.: «Круглый стол» Российской ассоциации историков-американистов // Американский ежегодник 2015. М., 2016. С. 23–66; Согрин В.В. Профессиональная, пропагандистская и обывательская историография // Новая и новейшая история. 2018. № 1. С. 185–203. Знаковыми событиями можно считать расширение доступа к документам фондов советских правительственных ведомств, вовлеченных в культурную дипломатию «холодной войны», в архивах таких как ГА РФ, РГАНИ, РГАСПИ и др. Сюда же можно отнести документы правительства США, расположенные в филиалах NARA, документы архивов правительств стран бывшего Восточного блока — ГДР, Венгрии и пр.

² Например, коллекция документов СНБ в библиотеке Свободного университета в Берлине или коллекция документов отделов по культурной дипломатии Госдепартамента в библиотеке Университета штата Аризона (США) и др.

³ Подробнее о терминах «культурная “холодная война”» и «идеологическая “холодная война”» см.: Цветкова Н.А. Политика СССР и США по реформированию зарубежных университетов в период «холодной войны»: историографический аспект // Американский ежегодник 2017. М., 2018. С. 232–250; Ее же. Проблемы исторических источников, теории и методологии в американистике: на примере изучения политики США и СССР в университетах Вьетнама, 1955–1986 // Американский ежегодник 2018/2019. М., 2019. С. 51–70.

серии по изучению «холодной войны» в новом контексте, например, серия «New Perspectives on the Cold War» в голландском издательстве «Brill».

Сегодня можно подвести итоги развития научной мысли в таких областях, как «идеологическая “холодная война”» или «культурная “холодная война”», а также «культурная дипломатия “холодной войны”» или «публичная дипломатия “холодной войны”». Современное состояние науки позволяет нам использовать термины «публичная дипломатия» и «идеологическая “холодная война”» в применении к периоду 1945–1991 гг.⁴ В данной статье мы будем, преимущественно, оперировать термином «публичная дипломатия», понимая под ним комплекс проектов в области информации, культуры, образования, спорта и т.п., которые использовались правительствами разных стран во внешней политике. Термин «идеологическая “холодная война”» используется в статье для обозначения исторического феномена противостояния ценностей либерализма и советского социализма в период «холодной войны» и, соответственно, научного направления по изучению этих вопросов. В данной статье представлен критический историографический анализ основных направлений изучения противостояния, которое развернулось между США и СССР и шире – между Западом и Востоком, в годы «холодной войны». В статье впервые вводится периодизация «идеологической “холодной войны”», выявляются «белые пятна», которые еще остаются в историографии, проиллюстрированы теоретические и методологические проблемы, свойственные этапу накопления новых эмпирических знаний.

В научной литературе до сих пор не существует общепринятой периодизации «идеологической “холодной войны”». Это связано с тем, что долгое время глобальная историография данной темы, которая включает отечественных и зарубежных исследователей из самых разных стран, базировалась в основном на изучении публичной дипломатии США. Акцент на «мягкой силе» США повлек за собой формирование периодизации «идеологической “холодной войны”» с позиции американской внешней политики⁵. Однако за последние 30 лет новые документы, которые были обработаны учеными в архивах бывших СССР, ГДР, Венгрии, а также Великобритании и США, создали базу для новой периодизации, которая учитывает не только американскую

⁴ Научная дискуссия о применимости терминов «культурная дипломатия» и «публичная дипломатия» к периоду «холодной войны» приводится в статье: *Цветкова Н.А.* Публичная дипломатия США в эпоху цифровизации: новые методы исследования // Американский ежегодник 2020. М., 2020. С. 53–70.

⁵ Подробнее о доминировании данной позиции см.: *The United States and Public Diplomacy: New Directions in Cultural and International History* / Ed. by K.A. Osgood, B.C. Etheridge. Leiden; Boston, 2010.

дипломатию, но включает поворотные точки в содержании глобальной публичной дипломатии, а также тренды, идущие со стороны участников проектов культурной дипломатии.

В силу этого наиболее адекватной выглядит сегодня следующая периодизация «идеологической “холодной войны”»: первый период — это 1940–1950-е гг., когда в США и СССР, а также в других странах был создан масштабный правительственный механизм публичной дипломатии и были выработаны основные направления внешней политики в области искусства, обменов, спорта, туризма и пропаганды. Публичная дипломатия все больше подчинялась задачам внешней политики и реагировала на первые жесткие вызовы «холодной войны». Европа оказалась в эпицентре публичной дипломатии двух супердержав. Второй период — это 1960-е — начало 1970-х гг., когда «холодная война» стала по-настоящему глобальной, охватив страны Африки, Азии и Латинской Америки. Политика оказания помощи развивающимся странам привела к новому феномену — соединению программ модернизации с публичной дипломатией. Публичная дипломатия была призвана содействовать политике сдерживания и расширения влияния, а политика развития — обеспечить политическую ориентацию новых независимых государств на Вашингтон или Москву. Третий период — это середина 1970-х — конец 1980-х гг., когда разрядка и Хельсинские соглашения, а позже эффективная и новая дипломатия администрации Р. Рейгана привели к изменению политической культуры в странах Восточной Европы и в СССР, а также к новому кардинальному изменению содержания публичной дипломатии во всех странах. Эти три периода являются условным разделением «идеологической “холодной войны”», но они показывают новые точки в историческом развитии публичной дипломатии «холодной войны».

Период идеологического противостояния СССР и США в годы «холодной войны» часто называют золотым веком публичной дипломатии⁶. Благодаря противостоянию Вашингтона и Москвы в глобальном масштабе были запущены разнообразные проекты, направленные на распространение противоборствующих ценностей в мире. Но и до начала «холодной войны» внешняя политика в области культуры, образования и информации двух стран также существовала, хотя большинство проектов находилось тогда в руках частных спонсоров. В США еще с середины XIX в. действовали миссионеры на Ближнем Востоке, в Восточной Азии и Африке, а в эпоху прогрессизма появились частные благотворительные фонды, которые осуществляли международные проекты. Наверное, первым таким фондом можно назвать

⁶ Arndt R. The First Resort of Kings: American Cultural Diplomacy in the Twentieth Century. Wash. (D.C.), 2005.

фонд Э. Карнеги, стремившийся продвинуть идеи мира и развития международных организаций еще в 1910-е гг.⁷

Участие США в Первой мировой войне привело к созданию первого ведомства культурной дипломатии, подотчетного президенту В. Вильсону, — Комитета по общественной информации, который, помимо прочего, занимался распространением «благих вестей» о США в странах Европы, создавал библиотеки и пр. Комитет, часто называемый Комитетом Крила по имени его создателя и друга президента, прекратил свое существование после окончания войны.

Вопросы ранних этапов истории внешней политики США в области информации, культуры или образования обсуждались в научной литературе достаточно подробно, и публикации новых документов не оказывали значительного влияния на реинтерпретацию событий, предшествующих началу «холодной войны». Однако недавнее обнародование ранее неизвестных документов о публичной дипломатии этого периода в серии «Foreign Relations of the United States» меняет ситуацию буквально на глазах. Новые текстовые и визуальные источники привели к существенному пересмотру представлений об информационных, научных и культурных проектах США. Например, само название сборника «Публичная дипломатия: Первая мировая война» подразумевает отказ от традиционной точки зрения о том, что публичная дипломатия США не существовала до конца 1930-х гг., когда было создано первое правительственное ведомство в этой сфере⁸. Угроза американским интересам в странах Латинской Америки со стороны Германии в 1930-е гг. оказалась основным фактором создания новых правительственных ведомств в области публичной дипломатии США⁹. В 1938 г. администрация США создает Отдел по связям в области культуры в Госдепартаменте¹⁰. Это стало важнейшим событием для всей последующей истории публичной дипломатии. Появился правительственный механизм формирования и реализации программ публичной дипломатии.

В Советской России до начала «холодной войны» подобная дипломатия развивалась через известное Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС). Новые документы показали неожиданные детали в работе советских ведомств, и работа данной организации вы-

⁷ Glade W. Issues in the Genesis and Organization of Cultural Diplomacy: A Brief Critical History // Journal of Arts Management, Law & Society. 2009. Vol. 39. No. 4. Winter. P. 240–259.

⁸ Public Diplomacy. World War I. Foreign Relations of the United States, 1917–1969. Wash. (D.C.), 2014.

⁹ Sadlier D.J. Americans All: Good Neighbor Cultural Diplomacy in World War II. Austin (Tex.), 2012.

¹⁰ Wieck R. Ignorance Abroad: American Foreign Educational and Cultural Policy and the Office of Assistant Secretary of State. Westport (Conn.), 1992.

зывает споры среди сторонников концепции о том, что советская публичная дипломатия была частью гуманитарной миссии России и продвигала связи на микроуровне и сторонниками идеи, что работа ВОКС имела в себе черты давления, вербовки, пропаганды, т.е. проектов, которые сегодня обозначаются в литературе в рамках дискурса о *sharp power*¹¹.

Конфликты и войны всегда оказывались двигателями развития пропаганды и информационных проектов, которые стали частью механизма публичной дипломатии. Вторая мировая война послужила новым толчком для развития информационного механизма. В США появилась радиостанция «Голос Америки», а Москве активно развивалось радио «Голос Москвы». Однако очень часто в современной литературе исследователи не соединяют раннюю историю публичной дипломатии с периодом «холодной войны», хотя основы механизма, стратегий и подходов были заложены в 1930-е гг.

Во время первого периода развития «идеологической “холодной войны”», самого яркого и многообразного, произошло бурное развитие механизма публичной дипломатии США и СССР, а также других стран. Аппарат публичной дипломатии в том или ином виде просуществует до конца «холодной войны», когда начнутся реорганизации и потери квалифицированных сотрудников как в США, так и в России.

В США все программы публичной дипломатии контролировались созданным в августе 1945 г. Отделом по вопросам международной информации и культуры в Госдепартаменте. Знаменитый закон о международных культурных, информационных и образовательных связях 1948 г. — закон Смита—Мундта — разделил Отдел на два ведомства, а именно на Отдел по международной информации и Отдел по образовательными культурным обменам. Нарастание напряженности между Москвой и Вашингтоном и советизация стран Восточной Европы привели к тому, что указанный закон позволял осуществлять программы в сферах образования и культуры только с потенциальными союзниками США. Восточный блок был исключен из перечня приоритетных целевых стран. Но закон интересен тем, что в нем впервые было указано на необходимость проведения глобальной публичной дипломатии и создана ее экономическая основа в виде предоставления финансирования на самые разнообразные проекты по всему миру. До этого момента уже была одобрена программа Фулбрайта, но она касалась только академических обменов¹². Закрепление публичной

¹¹ *Fayet J.-F.* VOKS: The Third Dimension of Soviet Foreign Policy // Searching for a Cultural Diplomacy / Ed. by J.C.E. Gienow-Hecht, M.C. Donfried. N.Y., 2010. P. 33–49.

¹² *Lebovic S.* From War Junk to Educational Exchange: The World War II Origins of the Fulbright Program and the Foundations of American Cultural Globalism, 1945–1950 // Diplomatic History. 2013. Vol. 37. No. 2. P. 280–312.

дипломатии как инструмента внешней политики произошло в известном политическом отчете СНБ № 68/3 — «Цели и задачи США по защите национальной безопасности», который был принят в 1950 г. из-за событий на Корейском полуострове. Документ, как известно, обозначил использование программ обучения, культуры и информации для реализации стратегии сдерживания идеологии СССР в мире.

Обострение международной обстановки из-за проблем между США и СССР в Европе, на Ближнем Востоке и в Азии, озабоченность Вашингтона и Москвы, что идеи противоположного лагеря могут захватить сердца и умы людей, привести к изменению политического строя и геостратегическим потерям, привели к развитию пропаганды и различных информационных проектов в виде радио, памфлетов, листовок, мобильных кинотеатров и библиотек, а также к всплеску развития переводной литературы и т.д. Первым и хорошо изученным в литературе проектом является «Кампания правды». В апреле 1951 г. Г. Трумэн направил в Конгресс США письмо, в котором предложил развернуть широкую международную программу распространения позитивной информации о Соединенных Штатах в мире. Это письмо содержало положение о приоритетном развитии информационных и образовательных программ. Однако публичная дипломатия очень быстро политизировалась и стала включать также инструменты информационного влияния на политические процессы в зарубежных странах.

Этот вывод подтверждается материалами исследований о знаменитой информационной кампании администрации Г. Трумэна по оказанию влияния на итальянское население во время выборов 1948 г., когда к власти могли прийти «левые» силы. Правительство США осуществило проект отправки миллиона писем в Италию от американцев с итальянскими корнями. В этих письмах родственники призывали не голосовать за коммунистов¹³. Многие ученые сегодня предлагают использовать дискурс о *political advocacy* для рассмотрения такого рода проектов, которые выходят за рамки культурной дипломатии в узком значении этого понятия.

Расширение масштаба проектов культурной дипломатии США привело к созданию самого эффективного и известного среди исследователей ведомства — Информационного агентства США. Сегодня ученые написали полную историю деятельности агентства с разных точек зрения, используя новые документы. Мы также хорошо знаем работу самых известных директоров и сотрудников агентства, таких как Т. Соренсон и Э. Марроу. Первый директор, Т. Соренсон, внедрил

¹³ Kaeten M. The Case for Political Warfare: Strategy, Organization and US Involvement in the 1948 Italian Election // Cold War History. 2006. Vol. 6. No. 3. P. 301–329.

подходы к формированию эффективных программ обучения, информации и культуры на основании отбора целевой аудитории, а Э. Марроу расширил деятельность Информационного агентства в странах Третьего мира и прославился идеями о формировании сбалансированной информации, говоря современным языком, без фейков¹⁴.

По масштабу публичной дипломатии СССР не отставал от США. Отделы ЦК КПСС, такие как Международный отдел по связям с коммунистическими партиями капиталистических стран, Отдел по агитации и пропаганде, Отдел науки и высшей школы и другие являлись ведущими звеньями по формированию культурной политики. Москва также контролировала международные общественные организации, например, Международную федерацию женщин и др., что позволяло СССР осуществлять масштабные мероприятия или, используя современный язык, мегасобытия. Однако до сих пор фонды Международного отдела по связям с коммунистическими партиями частично закрыты, и мы все еще не видим полной картины влияния на политических деятелей зарубежных странах при помощи программ обучения или пропаганды¹⁵. Но использование местных архивов в странах Европы позволило историкам выстроить новые тренды, которые раскрывают влияние публичной дипломатии Советского Союза на выборы и политические движения, что также попадает в научный дискурс по *political advocacy*¹⁶. Совет министров СССР и его отделы по культурным связям, а также Министерство образования, Министерство иностранных дел, посольства СССР в зарубежных государствах – все они были частью механизма публичной дипломатии СССР. Внизу цепочки действовала такая организация, как Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД), которая в 1958 г. заменила ВОКС. Современные ученые несколько скорректировали прежние негативные оценки начального этапа советской публичной дипломатии, показывая, что на микроуровне советские ведомства выстраивали эффективную дипломатию¹⁷.

Но, несмотря на популярность темы о публичной дипломатии СССР среди российских, европейских и американских историков,

¹⁴ Cull N. «The Man Who Invented Truth»: The Tenure of Edward R. Murrow as Director of the United States Information Agency During the Kennedy Years // Cold War History. 2003. Vol. 4. No. 1. P. 23–48.

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10. Международные совещания и переговоры с коммунистическими и рабочими партиями, правительственные переговоры. (Далее: ГА РФ.) Коллекция документов 1956–1988 гг, рассекречена частично.

¹⁶ Mikkonen S. Interference or Friendly Gestures? Soviet Cultural Diplomacy and Finnish Elections, 1945–56 // Cold War History. 2020. Vol. 20. No. 3. P. 349–65.

¹⁷ McNair J. Winning Friends, Influencing People: Soviet Cultural Diplomacy in Australia, 1928–1968 // Australian Journal of Politics and History. 2015. Vol. 61. No. 4. P. 515–529.

в ней до сих пор существуют «белые пятна». Например, все еще остается неизученной работа советского общества по культурным связям с соотечественниками за рубежом (общество «Родина»). «Родина» пыталась оказывать влияние на русских эмигрантов в зарубежных странах, и ее документы свидетельствуют о самых разных — «жестких» и «мягких» — подходах правительства к взаимодействию с иностранцами, имевшими русские корни и желавшими посетить СССР¹⁸.

Появление новых документов дает возможность в деталях реконструировать музыкальную дипломатию, дипломатию искусства и другие разнообразные проекты, которые были свойственны периоду политической напряженности в мире. Музыка, кино, выставки, книги и все то, что сегодня отнесено учеными к дискурсу о *cultural presentations*, оказывали огромное влияние на потребителей. Но если раньше ученые безоговорочно утверждали, например, что «джаз выиграл холодную войну», то сегодня оценки стали более сбалансированными и многие исследования не принижают силу влияния русской и советской культуры на целевые аудитории. Документы позволили историкам рассматривать противостояние американской массовой культуры и так называемой высокой русской культуры. Многие из них приходят к выводу, например, о принятии старшим поколением европейцев русской музыки, а не американской массовой культуры, что использовалось Советским Союзом в политике «мягкой» силы¹⁹. Тем не менее нельзя сбрасывать со счетов, огромное влияние американской музыкальной дипломатии США в виде туров джаз и рок-групп в Германию, Польшу и в страны Ближнего Востока²⁰. Тур джазового квартета Д. Брубека в Польшу в 1958 г. способствовал установлению диалога между американскими джазменами и польской публикой и привел к развитию джазового движения в Польше, а позже в СССР²¹.

Кино, которое активно использовалась в качестве инструмента продвижения ценностей жизни граждан из СССР или США, также представляет уже заметное явление в историографии культурной «холодной войны»²². Однако до сих пор не существует убедительной

¹⁸ ГА РФ. Ф. 9651. Советское общество по культурным связям с соотечественниками за рубежом (общество «Родина»), 1955–1992.

¹⁹ Fosler-Lussier D. Music Pushed, Music Pulled: Cultural Diplomacy, Globalization, and Imperialism // *Diplomatic History*. 2012. Vol. 36. No. 1. P. 53–64.

²⁰ Carr G. Diplomatic Notes: American Musicians and Cold War Politics in the Near and Middle East, 1954–60 // *Popular Music History*. 2004. Vol. 1. No. 1. P. 37–63.

²¹ Hatschek K. The Impact of American Jazz Diplomacy in Poland During the Cold War Era // *Jazz Perspectives*. 2010. Vol. 4. No. P. 253–300.

²² Худ Т., Кубышкин А.И. Армагеддон: сравнительное изображение ядерного конфликта между США и СССР в американском кино // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 5. С. 250–258. (На англ. яз.)

методологии исследования восприятия зрителем американских или советских фильмов. Как оценить силу влияния американских вестернов на советского зрителя или советских фильмов на зарубежную аудиторию? Статистические сведения о числе зрителей не дают возможности в полной мере оценить влияние и воздействие ценностей. Поэтому в современных исследованиях тема о влиянии американского или советского кино на зарубежную аудиторию рассматривается не с точки зрения политической эффективности, а в рамках концепции о потребительском обществе²³.

Однако пропаганда и информационные кампании 1950-х гг. затмевали масштабы аполитичных проектов. За последние 30 лет наука накопила немалое количество исследований по отдельным информационным кампаниям США²⁴. Историки подробно разобрали известные документы СНБ по соединению информации и культурной дипломатии с задачами политики сдерживания, оценили работу ведомств по психологическим операциям и значимых проектов²⁵. Историография знает в деталях, каким образом Вашингтон и Москва выстраивали масштабные программы информационной пропаганды, но за пределами историографии остаются такие вопросы, как информационная работа правительства США, например, в странах Ближнего Востока, а также такое направление культурной дипломатии США, как влияние на представителей ислама в Ираке, Иране и Саудовской Аравии²⁶.

Европейские страны, и в западной, и в восточной частях континента, оказались точкой противостояния между США и СССР. Публичная дипломатия США, без сомнения, способствовала формированию трансатлантического партнерства между европейскими странами и Америкой, что подразумевало создание американо-европейской коалиции с лидирующей ролью США. Самые популярные аспекты европейской публичной дипломатии США в Европе – это объединение европейской элиты при помощи образовательных и информационных программ; внедрение американского стиля менеджмента и ориента-

²³ *Tsvetkova N., Tsvetkov I., Barber I.* Americanization versus Sovietization: Film Exchanges between the United States and the Soviet Union, 1948–1950 // *Cogent Arts & Humanities*. 2018. Vol. 5. No. 1. P. 1–17; *Cull N.* The Cold War on the Silver Screen // *Diplomatic History*. 2009. Vol. 33. No. 2. P. 357–359.

²⁴ *Osgood K.* Total Cold War: Eisenhower's Secret Propaganda Battle at Home and Abroad. Lawrence (Kans.), 2006.

²⁵ *Tobia S.* Advertising America: VOA and Italy // *Cold War History*. 2011. Vol. 11. No. 1. P. 27–47; *Scott-Smith G.* Confronting Peaceful Co-existence: Psychological Warfare and the Role of Interdoc, 1963–72 // *Cold War History*. 2007. Vol. 7. No. 1. P. 19–43; *Roberts M.* Analysis of Radio Propaganda in the 1953 Iran Coup // *Iranian Studies*. 2012. Vol. 45. No. 6. P. 759–777.

²⁶ Документы по данному вопросу см.: NARA. Records Group 59. Records of the Department of State. Decimal Files, 1950–1954. Box 16.

ция европейских бизнесменов в рамках экономической помощи США; борьба за ценностную ориентацию интеллигенции и молодежи европейских государств и многое другое²⁷. Особая роль в публичной дипломатии США, как известно, принадлежала такому проекту, как Конгресс за свободу в области культуры, который объединил европейскую элиту и интеллигенцию вокруг американских ценностей.

Сегодня мы знаем в деталях, как США осуществляли построение трансатлантического партнерства посредством информационной деятельности во всех странах Европы, включая Нидерланды, Норвегию, Испанию и Ирландию и др.²⁸ Особые проекты США должны были содействовать формированию потребительского общества в Европе, снижению социальной напряженности, а значит, и популярности «левого» движения. Например, туристические поездки стали частью плана Маршалла и европейской культурной дипломатии. Для привлечения европейской молодежи было создано отдельное ведомство по туризму в рамках Администрации экономического сотрудничества, которая распределяла помощь по плану Маршалла. Отдел по туризму реализовал на практике идеи о товарах беспошлинной торговли (*duty-free*) и дешевых билетах.

Устоявшейся теоретический дискурс подобных исследований — культурный империализм, американизация, вестернизация или «культурный трансфер»²⁹ — сегодня существенно корректируется новым поколением ученых, которые предлагают рассматривать публичную дипломатию сквозь призму изучения реакции получателей проектов, опираются на категории «постколониальной» методологии. Дискуссии о национальной идентичности спровоцировали вопросы о сохранении локальной культуры и традиций под давлением американского потребительского общества или советской идеологии. Так, сегодня ученые приходят к выводу, что скандинавские традиции и культуры сковывали проекты публичной дипломатии США в период «холодной войны».

²⁷ *Scott-Smith G.* Mending the «Unhinged Alliance» in the 1970s: Transatlantic Relations, Public Diplomacy, and the Origins of the European Union Visitors Program // *Diplomacy & Statecraft*. 2005. Vol. 16. No. 4. P. 749–778; *Idem.* Maintaining Transatlantic Community: US Public Diplomacy, the Ford Foundation and the Successor Generation Concept in US Foreign Affairs, 1960s–1980s // *Global Society: Journal of Interdisciplinary International Relations*. 2014. Vol. 28. No. 1. P. 90–103; *Idem.* Searching for the Successor Generation: Public Diplomacy, the US Embassy's International Visitor Program and the Labour Party in the 1980s // *British Journal of Politics & International Relations*. 2006. Vol. 8. No. 2. P. 214–237.

²⁸ См., напр.: *The United States and Public Diplomacy: New Directions in Cultural and International History*.

²⁹ Подробнее см.: *Цветкова Н.А.* Политика СССР и США по реформированию зарубежных университетов в период «холодной войны»: историографический аспект. С. 232–250.

Взаимодействие между СССР и США на микроуровне в первый период «идеологической “холодной войны”» имело два тренда в историографии: изучение мегапроектов и микроистории культурных обменов. К первому относятся изыскания в области экспо-дипломатии, фестивалей и спортивной дипломатии, а второй тренд — это деконструкция программ обменов с точки зрения общения между участниками, перетекания ценностей и пр.³⁰ С 1958 г., когда, как известно, было подписано первое соглашение между США и СССР об обменах в области культуры и образования, ведет свою историю новый феномен в публичной дипломатии — взаимодействие между идеологическими противниками на уровне ограниченных, но *равнозначных* научных обменов, распространения журналов, таких как «Америка», «Soviet Life» и пр. Новым поворотом в историографии стало изучение спорта как части публичной дипломатии. Публикация новых документов по олимпийскому движению, а также проблема лоббизма в области международного спорта, обеспечили популярность данному направлению³¹. Рассекреченные документы по советской истории позволили не только опубликовать новые сборники исторических источников, но значительно изменили интерпретации советских проектов или американо-советского культурного обмена.

Концепция *триумфализма* США над СССР, которая была популярна в подобных исследованиях в 1990-е — начале 2000-х гг., постепенно исчезает из историографии, а дискурс о *Pax Sovietica* и о глобализме публичной дипломатии СССР становится все более популярным в литературе. После Второй мировой войны Советский Союз притягивал к себе внимание со стороны зарубежного общества, а на позитивный имидж СССР оказали влияние победа над фашизмом, популярность идей социализма и коммунизма в самых разных странах и поворот молодежи стран Третьего мира в сторону Москвы как центра революционного движения. Наконец, различные научные достижения, включая освоение космоса, способствовали глобальной советизации. Масштабные музыкальные конкурсы, фестивали молодежи, советский

³⁰ Фоминых А.Е. Публичная дипломатия в публичной истории: американские выставки в СССР в восприятии советских людей (1959–1991) // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2018. № 34. С. 34–40; *Его же*. Выставка «Исследования и разработки США» в Казани 1972 г. в американских источниках // Запад–Восток. 2017. № 10. С. 231–245; *Wagnleitner R.* The Empire of the Fun, or Talkin’ Soviet Union Blues: The Sound of Freedom and Cultural Hegemony in Europe // Diplomatic History. 1999. Vol. 23. No 3. P. 499–524; *Philips S., Hamilton Sh.* The Kitchen Debate and Cold War Consumer Politics: A Brief History with Documents. Boston, 2014; *Magnúsdóttir R.* Mission Impossible? Selling Soviet Socialism to Americans, 1955–1958 // Searching for a Cultural Diplomacy. P. 51–72.

³¹ *Sarantakes N.* Moscow versus Los Angeles: The Nixon White House Wages Cold War in the Olympic Selection Process // Cold War History. 2009. Vol. 9. No. 1. P. 135–157.

стиль архитектуры во время международных выставок, информационные компании эффективно продвигали советскую идеологию в глобальном масштабе³².

Поворот к изучению микроистории культурной дипломатии СССР привел к появлению парадигмы о многоуровневом и многополярном взаимодействии между субъектами и объектами культурной дипломатии. Исследователи утверждают, что существовали диалог и взаимопонимание между участниками обмена на микроуровне. Многие проекты публичной дипломатии создавали нейтральное пространство для позитивного взаимодействия: в этой роли выступали университеты, наука и торговля. Отражением данного поворота является тема туризма, образов и взаимодействия между западными туристами и советскими гражданами или наоборот. Восприятие друг друга или восприятие страны, например, образы СССР глазами фермеров Исландии и т.п., открывают новые перспективы для оценки места и роли публичной дипломатии СССР и США в самых разных странах³³. По мнению ряда исследований, традиционный туризм, академический туризм, путешествия писателей, которые оставляли записки и публикации, оказывали влияние на создание имиджа западных стран среди советского населения как рая потребительского общества, а среди западного общества, особенно среди молодежи и «левых», имиджа СССР как источника преобразования капиталистического общества³⁴.

³² *Siegelbaum L.* Sputnik Goes to Brussels: The Exhibition of a Soviet Technological Wonder // *Journal of Contemporary History*. 2012. Vol. 47. No. 1. P. 120–136; *Mikkonen S.* Winning Hearts and Minds? The Soviet Musical Intelligentsia in the Struggle against the United States // *Twentieth-Century Music and Politics: Essays in Memory of Neil Edmunds* / Ed. by P. Fairclough. N.Y., 2016. P. 135–154; *Ezrahi C.* Swans of the Kremlin: Ballet and Power in Soviet Russia. Pittsburgh, 2012; *Clarkson V.* The Soviet Avant-Garde in Cold War Britain: Art in Revolution Exhibition // *Entangled East and West: Cultural Diplomacy and Artistic Interaction during the Cold War* / Ed. by S. Mikkonen, G. Scott-Smith, J. Parkkinen. Berlin, 2015. P. 15–38; *Koivunen J.P.* The Moscow 1957 Youth Festival: Propagating a New Peaceful Image of the Soviet Union // *Soviet State and Society under Nikita Khrushchev* / Ed. by M. Ilic, J. Smith. London, 2009. P. 46–65; *Нагорная О.С.* «...Когда СССР стал сильным и могучим... Многие народы нуждаются в нашей дружбе»: аспекты изучения культурной дипломатии в социалистическом лагере (1949–1989) // *Диалог со временем*. 2015. № 53. С. 269–278.

³³ *Hafsteinsson S.* Screening Propaganda: The Reception of Soviet and American Film Screenings in Rural Iceland, 1950–1975 // *Film History*. 2011. Vol. 23. No. 4. P. 361–375.

³⁴ См., напр.: *Cold War Crossings: International Travel and Exchange across the Soviet Bloc, 1940s–1960s* / Ed. by P. Babiracki, K. Zimmer. Arlington (Tex.), 2014; *Tsipursky G.* Active and Conscious Builders of Communism: State-Sponsored Tourism for Soviet Adolescents in the Early Cold War, 1945–53 // *Journal of Social History*. 2014. Vol. 48. No. 1. P. 20–46; *David-Fox M.* The Fellow Travelers Revisited: The «Cultured West» Through Soviet Eyes // *The Journal of Modern History*. 2003. Vol. 75. No. 2. P. 300–335.

Наконец, в дискурс микроистории можно поместить еще одно направление по изучению публичной дипломатии Советского Союза. Речь идет о взаимодействии советских властей с бывшими согражданами, живущими за границей. Советские специалисты умело использовали эмоции иммигрантов, ностальгию по родине для их привлечения на свою сторону. Другими словами, сотрудничество в обмен на свободные поездки в СССР. Этой частью публичной дипломатии, как мы указывали выше, занималось ведомство под названием «Родина», и эта часть советской дипломатии все еще находится в сером поле из-за игнорирования чувствительных вопросов этики в дипломатии, внешней политике и международных отношениях³⁵.

Необходимо отметить, что сегодня мы много знаем о событиях «идеологической “холодной войны”» 1950–1960-х гг., но меньше о ее последующих этапах. До сих пор вызывают сложности изучение вопросов об эффективности влияния СССР на американское или европейское общества или влияния США на советское общество. Историческая наука не разработала исследовательских процедур для оценки программ публичной дипломатии, степени американизации или советизации. Однако историография наполнена интереснейшим и новым нарративом, что расширяет наши знания по истории дипломатии.

Второй период «идеологической “холодной войны”» — 1960-е — начало 1970-х гг., когда «холодная война» стала глобальной и выплеснулась в страны Третьего мира. Процессы деколонизации, создание независимых государств на территории бывших европейских колоний в Азии, Африке, Латинской Америке и на Ближнем Востоке, и политические процессы, которые захватывали новые государства, объективно подталкивали США и СССР к расширению своего влияния во всех регионах, к привлечению союзников посредством поддержки национальных движений, военных переворотов и пр. Подобная политика требовала мобилизации ресурсов «мягкой» силы, чтобы удерживать развивающиеся страны в своем блоке и проводить необходимые реформы в политической, экономической и образовательной сферах, исходя из своих идеологических предпочтений. Каждая из сверхдержав стремилась «заполучить» подобную категорию стран в свой лагерь, создавая дополнительный противовес противнику в конкретном регионе. США и СССР использовали тактику оказания зарубежной помощи развивающимся странам для расширения своего влияния.

³⁵ Тема затронуется в статьях: *Zake I. Controversies of US–USSR Cultural Contacts During the Cold War: The Perspective of Latvian Refugees // Journal of Historical Sociology. 2008. Vol. 21. No. 1. P. 55–81; Mikonnen S. Mass Communications as a Vehicle to Lure Russian Émigrés Homeward // Journal of International and Global Studies. 2011. Vol. 2. No. 2. P. 45–61.*

Публичная дипломатия обеих сверхдержав в странах Азии, Латинской Америки или Африки смешивалась с проектами помощи зарубежным государствам, превращаясь в жесткий политический инструмент. До сих пор такие проекты остаются малоизученными по сравнению с проектами первого периода «холодной войны». Однако новые и все еще немногочисленные исследования по данной теме предлагают дискурс о столкновении советского глобализма с глобальной американизацией. Именно тогда программы помощи, модернизации, обучения иностранных студентов, проводившиеся в рамках борьбы за страны Третьего мира, выстроили и новую масштабную публичную дипломатию СССР, которая пришла в противоречие и столкновение с процессами американизации в странах Третьего мира³⁶.

Идеи о модернизации и развитии отстающих стран охватывали самые широкие круги экспертов и политиков в США и СССР задолго до создания особого механизма по осуществлению помощи. В Соединенных Штатах это проявлялось в развитии международной благотворительности, которую осуществляли частные организации. Так, еще в середине XIX в. американские религиозные миссионеры развивали в странах Ближнего Востока образовательную деятельность. К началу Первой мировой войны в странах Ближнего Востока функционировало 450 школ, открытых миссионерами, и два американских университета. Америка создала самую масштабную систему благотворительности с участием большого числа фондов. Период с 1900-х по 1920-е гг. стал временем появления американской филантропии как социального института. В годы «холодной войны» американские фонды Рокфеллера, Форда, Карнеги позже Маккартуров внесли существенный вклад в модернизацию стран Третьего мира. Очень часто они согласовывали свои проекты с правительством США, которое действовало в странах Третьего мира через Агентство международного развития. Фонды оказали влияние на развитие социальных наук, программ профессионального обучения в странах Латинской Америки³⁷.

Правительство США, как известно, запустило в период администрации Дж.Ф. Кеннеди некое подобие плана Маршалла для развивающихся стран в виде закона о зарубежной помощи и создания таких институтов, как Агентство международного развития и Корпус мира в 1961 г. В рамках зарубежной помощи проводились масштабные программы обучения специалистов и представителей кругов бизнеса, ко-

³⁶ *Wishon J.* Soviet Globalization: Indo-Soviet Public Diplomacy and Cold War Cultural Spheres // *Global Studies Journal*. 2013. Vol. 5. No. 2. P. 103–114.

³⁷ См., напр.: *Scott-Smith G.* Aristotle, US Public Diplomacy, and the Cold War: The Work of Carnes Lord // *Foundations of Science*. 2008. Vol. 13. No. 3/4. P. 251–264; *Mueller T.* The Rockefeller Foundation, the Social Sciences, and the Humanities in the Cold War // *Journal of Cold War Studies*. 2013. Vol. 15. No. 3. P. 108–135.

торые носили название «технических программ», а направленные на подготовку офицеров и солдат — «военных программ обучения». Советский Союз осуществлял такие же программы, но так и не сумел создать единый координационный центр или отдельное ведомство по зарубежной помощи.

Дискуссии о природе зарубежной помощи и ее последствиях лежат в дискурсе критических теорий. Исследователи видят в ней практику культурного империализма или рассматривают с позиций теории взаимозависимости и воспроизводства социального капитала. Несмотря на процессы глобализации, многие ученые продолжают утверждать, что как в XIX в., так и в 1960–1970-е гг. политика культурного империализма существовала в виде навязывания ценностей жителям развивающихся стран³⁸. Программы зарубежной помощи и связанные с ней программы обучения, пропаганды и пр. США и СССР изучаются с точки зрения формирования просоветской или проамериканской элиты³⁹. Но не стоит забывать, что в период «холодной войны» зарубежные государства и общества все же не были пассивными получателями американских или советских проектов публичной дипломатии и помощи. Как показывает наш анализ, страны Третьего мира охотно использовали технологические новинки, которые предлагали США или СССР, но очень часто отвергали идеологию⁴⁰.

Рассматривая программы помощи, историография забывает еще об одном интересном аспекте политики США и СССР, а именно о военном обучении. Военные программы возникли задолго до начала «холодной войны»: СССР осуществлял обучение военных из Афганистана в середине 1920-х гг., а президент Ф.Д. Рузвельт развивал аналогичные программы в странах Латинской Америки⁴¹. Военное обучение также может быть отнесено к публичной дипломатии, поскольку

³⁸ Hay I. Postcolonial Practices for a Global Virtual Group: The Case of the International Network for Learning and Teaching Geography in Higher Education // *Journal of Geography in Higher Education*. 2008. Vol. 32. No. 1. P. 15–32.

³⁹ Tsvetkova N. International Education during the Cold War: Soviet Social Transformation and American Social Reproduction // *Comparative Education Review*. 2008. Vol. 52. No. 2. P. 199–217; Brooks C. The Ignorance of the Uneducated: Ford Foundation Philanthropy, the IIE, and the Geographies of Educational Exchange // *Journal of Historical Geography*. 2015. Vol. 48. No. 4. P. 36–46; Hemant S. Review of Staging Growth: Modernization, Development, and the Global Cold War // *The Journal of American History*. 2004. Vol. 91. No. 2. P. 692–693; Katsakioris C. Soviet Lessons for Arab Modernization: Soviet Educational Aid Towards Arab Countries after 1956 // *Journal of Modern European History*. 2010. Vol. 8. No. 1. P. 85–106.

⁴⁰ Tsvetkova N. *Cold War in Universities: U.S. and Soviet Cultural Diplomacy, 1945–1990*. Leiden, 2021 (forthcoming).

⁴¹ Российский государственный военный архив. Ф. 37837. Управление кадров Красной Армии.

офицеры изучали английский или русский язык, знакомились с повседневной и политической культурой. Обычно программы военного обучения входили в зарубежную военную помощь США, а в СССР контролировались военным ведомствами. Бывало и так, что данные программы вытесняли традиционные программы публичной дипломатии в различных регионах. Особенно это касается стран Ближнего Востока, элита которых с большим подозрением относилась как США, так и к СССР.

Среди этого масштабного инструментария публичной дипломатии существовали университеты и образовательные обмены, которые также сыграли свою роль в идеологическом противостоянии. Распространение либеральной демократии или социализма, осуществление военной и экономической помощи не обходились без университетов. Развитие политической системы в союзных государствах на основе американской или советской модели являлось основной целью правительственных образовательных проектов, которые формировали политическую элиту, ориентированную на США или СССР; экономическое и социальное развитие государств предполагало масштабное обучение профессионалов в области экономики, политики, педагогики, социальной сферы и т.д. Проникновение в страны коммунистического или западного блока было возможно только благодаря «неполитическим» программам обменов, которые способствовали расшатыванию конкурирующей идеологии. Вузы создавали элиту, а ее ориентация на США или СССР способствовала продвижению американских или советских интересов.

Образование и университет оценивались как эффективные проводники ценностей и оказались среди важнейших инструментов культурной дипломатии Москвы и Вашингтона, наряду с музыкальной дипломатией, туризмом и обменами. Университеты охватывали огромные пласты социальных и профессиональных групп, включая студентов, профессуру, научных работников, что предоставляло уникальный шанс и США, и СССР формировать новые социальные слои с определенными ценностями. Образовательные проекты приветствовались реципиентами, поскольку проекты поддерживали модернизацию, развитие и прогресс. Это позволяло США и СССР осуществлять не только благородные проекты по развитию, но и параллельно навязывать свои ценности, системы образования и политическую культуру. Однако, как оказалась, страны-получатели не всегда принимали идеологическую часть модернизации и эффективно сдерживали американизацию и советизацию в образовании, сохраняя локальные традиции и культуру⁴².

⁴² *Tsvetkova N. Cold War in Universities...*

Третий период «идеологической “холодной войны”» был связан с периодом разрядки в американско-советских отношениях, а также в отношениях между странами Западной и Восточной Европы на протяжении 1970-х гг. и с периодом угасания советской империи в 1980-е гг. Некоторое потепление американско-советских отношений и налаживание более тесных экономических и культурных контактов между Западом и Востоком сформировали новый политический климат в Европе. Установление более тесных контактов между блоками сказалось на успешном подписании знаменитых Хельсинских соглашений между странами Западной и Восточной Европы, а также США, СССР и др. в 1975 г. С одной стороны, эти соглашения фиксировали политические границы в Европе, сформировавшиеся по результатам Второй мировой войны, что являлось дипломатическим успехом СССР. С другой стороны, страны Восточной Европы и СССР теперь были обязаны соблюдать права человека, а также расширять контакты с западными странами во всех областях. Признание странами Восточного блока концепции защиты прав человека и некоторое открытие границ для контроля за выполнением Хельсинских соглашений со стороны неправительственных фондов США и стран Западной Европы являлись несомненным дипломатическим успехом США и Западной Европы. Запад сумел обеспечить не только новый канал для оказания культурного влияния в странах Восточной Европы, но и придать новый импульс для развития диссидентского движения в странах Восточного блока⁴³. Новые программы обменов в области культуры пробили настолько широкую брешь в «железном занавесе», что даже «похолодание» отношений между США и СССР в начале 1980-х гг. не смогло остановить культурное наступление Запада против советской идеологии. Масштабная наступательная политика Р. Рейгана в области образования, информации и культуры способствовала дискредитации советской идеологии и ее расшатыванию внутри Восточного блока. Казалось бы, такой поворот в «идеологической “холодной войне”» должен привлекать особое внимание специалистов. Но исследований о 1970-х и начале 1980-х гг. не так много.

Вопросы противостояния между США и СССР переросли в более широкую тему о взаимодействии между Западом и Востоком. Конструирование образов через радиопропаганду и фильмы, восприятие «Другого» при личном взаимодействии, а также вопросы исторической памяти стали частью историографии⁴⁴. Однако мы еще знаем

⁴³ *Thomas D. Human Rights Ideas, the Demise of Communism, and the End of the Cold War // Journal of Cold War Studies. 2005. Vol. 7. No. 2. P. 110–141.*

⁴⁴ *Vowinkel A., Payk M., Lindenberg Th. Cold War Cultures: Perspectives on Eastern and Western Societies. N.Y., 2012.*

мало деталей о том, как публичная дипломатия способствовала реализации, например, стратегии Джимми Картера в области защиты прав человека. Президент использовал публичную дипломатию для реализации своих идей в мире, включая создание новой международной образовательной программы «Инициативы по защите прав человека» или расширение международных информационных и образовательных программ, направленных на поддержку свободной прессы, свободы передачи информации и открытых образовательных систем.

Несмотря на значимость политики Р. Рейгана в странах Восточной Европы, в 1980-е гг. научные сбалансированные и объективные изыскания о работе, например, Национального фонда в поддержку демократии, который был создан президентом для открытой поддержки демократических институтов в коммунистических странах, встречаются не так часто⁴⁵. Известно, что Р. Рейган вернул концепцию сдерживания в дискурс внешней политики США, обозначив при этом довольно жесткие, но четкие средства достижения целей: подрыв экономики СССР и развитие диссидентского движения на территории стран Восточной Европы⁴⁶. Президент стремился четко установить перечень инструментов (экономических, политических и образовательных), использование которых приведет к постепенной либерализации стран Восточной Европы. Известная директива NSDD-54 «Политика США в отношении Восточной Европы» 1982 г. обозначала цель США как «ослабление советского влияния и усиление влияния Запада, а также реинтеграцию стран региона в европейское сообщество наций»⁴⁷. Другой документ — проект «Демократия» перевернул всю культурную дипломатию США. Теперь она должна была не распространять идеи, а создавать демократическую инфраструктуру, свободную прессу, профсоюзы, политические партии, университеты и другие структуры, что позволило бы населению стран коммунистического блока выбирать свой собственный путь.

Президент оживил работу радиостанций «Голос Америки», «Свободная Европа» / «Свобода», которые находились в плачевном состоянии после периода разрядки. Были пересмотрены содержание программ и целевая аудитория. Президент Рейган, который в молодости работал на радио, знал эффективность радиопрограмм, если их содержание направить не на призыв к революциям, а на описание провалов

⁴⁵ *Geoghegan K.* Policy in Tension: The National Endowment for Democracy and the U.S. Response to the Collapse of the Soviet Union // *Diplomatic History*. 2018. Vol. 42. No. 5. P. 772–801.

⁴⁶ National Security Decision Directive 32, May 20, 1982 // Federation of American Scientists (www.fas.org).

⁴⁷ National Security Decision Directive 54, September 2, 1982 // Federation of American Scientists (www.fas.org).

социальной или экономической политики СССР. Он потребовал изменить программы и модернизировать техническое оснащение станций. Специальные программы были направлены на этнические меньшинства и их религиозную жизнь в СССР и транслировались на украинском, армянском, грузинском и азербайджанском языках. Однако исследований на подобные темы еще крайне мало, хотя фонды федерального архива США позволяют досконально реконструировать информационные подходы США.

На Женевской встрече между Р. Рейганом и М.С. Горбачевым в ноябре 1985 г. президент США четко донес до советского лидера намерение о масштабном увеличении программ обменов между США и СССР для «установления более тесного общения между двумя обществами, поскольку взаимное недоверие делает мир более опасным»⁴⁸. Предложения Рейгана касались таких программ, как переподготовка советских учителей начальной и средней школы, внедрение новых методик преподавания английского языка и истории, а также обучение советских студентов, специализирующихся в области социальных и гуманитарных наук⁴⁹. Советский лидер М.С. Горбачев согласился, и уже в августе 1986 г. закончилась работа представителей США и СССР по составлению тринадцати договоренностей в области культурной дипломатии⁵⁰.

Среди разнообразия обменов и программ только несколько компонентов культурной дипломатии 1980-х гг. нашли заметное освещение в научной литературе. Речь идет о *childrens' diplomacy* и *citizens' diplomacy*, которые способствовали масштабному общению между гражданами США и СССР на микроуровне. Сотни советских граждан, школьников за счет частных пожертвований и фондов США оказались в Америке⁵¹. Администрация Р. Рейгана сумела договориться с прави-

⁴⁸ National Security Directive 194, October 25, 1985 // Federation of American Scientists (www.fas.org).

⁴⁹ National Security Decision Directive 223, April 02, 1986; Joint Soviet–United States Statement on the Summit Meeting in Geneva, November 21, 1985 // The Public Papers of President Ronald W. Reagan (<http://www.reagan.utex.edu/archives>).

⁵⁰ Statement by Principal Deputy Press Secretary Speaks on Soviet–United States Cultural and Educational Exchanges, August 5, 1986 // The Public Papers of President Ronald W. Reagan (<http://www.reagan.utex.edu/archives>); Kelley J. US Public Diplomacy: A Cold War Success Story? // The Hague Journal of Diplomacy. 2007. No. 2. P. 53–79; Richmond Y. Cultural Exchange and the Cold War: How the West Won // American Communist History. 2010. Vol. 9. No. 1. P. 61–75.

⁵¹ Peacock M. Samantha Smith in the Land of the Bolsheviks: Peace and the Politics of Childhood in the Late Cold War // Diplomatic History. 2019. Vol. 43. No. 3. P. 418–44; Foglesong D. When the Russians Really Were Coming: Citizen Diplomacy and the End of Cold War Enmity in America // Cold War History. 2020. Vol. 20. No. 4. P. 419–40; Кубышкин А.И. Сакральные жертвы холодной войны: дети как субъект / объект идеологической

тельством Советского Союза о включении студенчества стран Восточной Европы в программы обменов США. Количество обученных студентов в 1985 г. было утроено, а в 1989 г. оно умножилось в четыре раза по сравнению с количеством студентов в США из стран Восточной Европы в 1975–1976 гг.⁵²

В результате договоренностей с М.С. Горбачевым Информационное агентство США получило политическую и экономическую возможность распространить на советскую молодежь программы Фулбрайта, Хэмфри и «Международный гость». Более того, в США приглашались представители общественных организаций, учрежденных в период перестройки в крупных городах, открывались американские культурные центры, а в университетах появилась учебная дисциплина «североамериканские исследования». К концу 1980-х гг. администрации Р. Рейгана удалось мобилизовать активную часть населения и вернуть доверие к США как к державе, которая поддержит страны Восточной Европы в случае ухода из-под опеки Москвы.

Президент Р. Рейган буквально взломал советский контроль в странах Восточной Европы посредством осуществления жестких экономических санкций и систематической поддержки диссидентского движения через программы публичной дипломатии. В июне 1989 г., во время визитов в Польшу и Венгрию, новый президент Дж. Буш-ст. заявил о том, что страны новой демократии будут поддержаны посредством финансовой помощи и разнообразных программ публичной дипломатии. В ноябре 1989 г. знаменитый закон о поддержке демократии в государствах Восточной Европы (Support Eastern Europe Democracies – SEED) был подписан Дж. Бушем, в 1990 г. бывшие союзники по Антигитлеровской коалиции подписали соглашение об объединении Германии и, наконец, в 1991 г. произошел распад СССР. Эти даты считаются концом периода «холодной войны», и с этого момента публичная дипломатия США была направлена на открытое формирование структур демократического общества и американизации новых государств Восточной Европы, а также России⁵³. Эти события можно считать логическим завершением «идеологической “холодной войны”».

конфронтации и политической пропаганды // Символ детства в политике: от холодной войны к современности. Тезисы научной конференции / Под ред. Т.Б. Рябовой, О.В. Рябова. СПб., 2019. С. 21–23.

⁵² Digest of Educational Statistics 1997 // National Council of Educational Statistics (<http://nces.ed.gov/pubs/digest97/d97t410.html>).

⁵³ National Security Directive 23, September 22, 1989 // Federation of American Scientists (www.fas.org); Support Eastern Europe Democracies. Public Law 179, November 28, 1989 // U.S. Congress (<https://www.congress.gov>).

Однако указанные вопросы, несмотря на появление новых документов, например в Президентских библиотеках Р. Рейгана или Дж. Буша-ст., еще не появились на карте историографии «идеологической “холодной войны”», что оказывает влияние на рост презентизма в исследованиях. Изменение политического контекста в 2010–2020-е гг. позволило политикам и экспертам использовать эту часть публичной дипломатии США для обвинений во вмешательстве в политические процессы в России и других странах. Презентизм и ангажированность в оценках проектов публичной дипломатии стали возможными во многом из-за отсутствия серьезных исторических исследований о том, как развивалась публичная дипломатия в конце 1980-х и начале 1990-х гг. в бывшем Восточном блоке. Выходя за рамки периода «холодной войны», отметим, что историография не имеет в своем арсенале значительных исторических исследований о проектах публичной дипломатии в странах Восточной Европы или России этого периода, что создает почву для умножения публикаций в жанре «публичной истории», в которых представлен политизированный взгляд на данную тему⁵⁴.

Тем не менее новые документы уже обеспечили фундамент для разнообразных исследований в области «идеологической “холодной войны”». Новые факты стали основой для детальных исторических реконструкций, но без разработки существенного теоретического или методологического аппарата. Этот феномен является закономерным для этапа накопления нового материала. Однако стоит отметить, что набирающие обороты концептуальные дискуссии вращаются вокруг дисциплин, таких как история, антропология, история образования, социология и международные отношения. Существует ряд работ, которые пытаются соединить, например, теории международных отношений – реализм, неолиберализм или конструктивизм, – с некоторыми аспектами дипломатии «холодной войны». Существуют попытки использования постколониального подхода в изучении «холодной войны», а голоса реципиентов программ в области культуры, образования, информации и т.п. обосновываются концепцией отклика или сопротивления. Не уходят из историографии традиционные концепты, такие как культурный империализм, американизация, советизация, теория взаимозависимости и др., трактовки которых обновляются и уточняются.

Однако самым важным итогом последних тридцати лет стало формирование научных школ в области Cultural Cold War, деконструкция «идеологической “холодной войны”» по двум трекам исторической

⁵⁴ О проблеме «публичной истории» см.: *Согрин В.В.* «Публичная история» и профессиональная историография // *Российская история*. 2020. № 2. С. 139–148.

реальности — по макро- и микроуровню, а также внимание ученых к тем участникам «идеологической “холодной войны”», которые идентифицируют себя как получатели проектов и программ и которые находились не только в диалоге, но и под давлением проектов США и СССР, что приводило к растворению местных традиций, устоев и, как следствие, к открытым и скрытым протестам, саботажу, неповиновению. Этот поворот к новому объекту исследований открывает перспективы для рассмотрения публичной дипломатии или «идеологической “холодной войны”» через призму концепций этики, феминизма и виктимологии.